

Элементы модернизма в творчестве Рубцова. Гоголевское и блоковское влияния.

Возникновение направления «модернизм» в русской литературе связывают с концом 19 века. Родиной модернизма считается Западная Европа. В России искусство модернизма ярко заявило о себе обилием имён и течений, оставивших неизгладимых след не только в русской, но и мировой литературе.

Искусство модернизма опиралось на богатый опыт предшественников и синтезировало в себе всё лучшее, что было сделано мастерами слова предыдущих поколений.

Особенность модернизма заключалась в том, что художники пользовались приёмами, заимствованными из других видов искусства: театра, живописи, музыки.

Естественно, что для русских модернистов были непререкаемыми авторитетами поэты-соотечественники, ставшие их предтечами: Пушкин, Лермонтов, Фет, Тютчев, Аполлон Григорьев, Не обошлось без влияния великих «урбанистов» - Некрасова, Достоевского.

Традиционная культурная связь России с Францией сделала родными для них имена Бодлера, Верлена, Рембо.

Не были чужды модернистам немецкие романтики: Гёте, Гейне. Молились они и на Шекспира. Почитали Верхарна.

Но для всех модернистов был иконой Гоголь. Особенно для символистов. Гоголю посвящали свои труды Розанов, Мережковский, Блок, Андрей Белый. Открытая недавно литература так называемого Русского Зарубежья, создававшаяся русскими писателями в изгнании в послеоктябрьские годы, также проявляет имя Гоголя как властителя дум поэтов конца 19 – начала 20 века.

Неизгладимый след оставил Гоголь в творческой судьбе двух великих русских поэтов – Блока и Рубцова. Оба они называли имя Гоголя как самое для себя дорогое.

Юный Блок в дошедшей до нашего времени анкете «Признания», заполненной в Наугейме 21 июня (3 июля) 1897 года, текст которой в своих воспоминаниях о Блоке приводит его тётя и биограф Мария Андреевна Бекетова, на вопрос «Мои любимые писатели-прозаики русские» отвечает: «Гоголь, Пушкин». На вопрос «Мои любимые поэты русские» даёт ответ: «Пушкин, Гоголь, Жуковский». В этой же анкете «Любимым литературным героем из художественных произведений» Блок называет Тараса Бульбу – третьим после Гамлета и Петрония.

В год столетия со дня рождения Гоголя – в 1909 году Блок написал замечательную статью «Дитя Гоголя», в которой выделил патриотическую, русскую тему в творчестве Гоголя как основную, сделавшую, по мнению Блока, писателя истинно великим.

В свою очередь, Рубцов называл среди наиболее ему близких

литературных предтеч имена Гоголя и Блока. Обнаруженное недавно Ю.И. Кириенко-Малюгиным не печатавшееся при жизни поэта стихотворение, посвящённое последним дням жизни автора «Мёртвых душ» и «Ревизора», свидетельствует о глубокой осведомлённости Рубцова в вопросах, касающихся самых неизвестных и малоизученных периодов из биографии великого классика. По воспоминаниям Марии Корякиной, Рубцов мог читать наизусть целые страницы из «Мёртвых душ».

Вопрос о принадлежности Гоголя к тому или иному литературному направлению следует оставить открытым. Он был мистиком, романтиком, интеллектуалом, философом, эстетом, духовидцем. Никким образом творчество метра не укладывается в рамки, в которые его пытался уместить Белинский, определив творческий метод великого писателя как реалистический.

Эта широта творческого размаха Гоголя и привлекала к его творчеству множество последователей. Его влияние несомненно на творчество Блока и Рубцова, которые тоже с трудом умещаются в узкие рамки литературоведческой терминологии. Возникает поэтическая и литературоведческая парадигма: Гоголь – Блок – Рубцов.

Блок отрицал свою принадлежность к какому-либо литературному направлению, начиная с 1910 года. Но факт остаётся фактом: Блок входил в литературную группу «младосимволистов», опиравшихся в творчестве на философию Владимира Соловьёва, Платона и классическую немецкую философию.

Особое место в творческой судьбе «младосимволистов» занимала религиозная философия Владимира Соловьёва, окрашенная в яркие романтические тона. Владимир Соловьёв же породил целый ряд последователей-неохристиан – это Вячеслав Иванов, Мережковский, Розанов, Сергей Соловьёв и др.

Сюда же следует отнести Андрея Белого, официально считающегося учеником и последователем Штейнера, но впитавшего чисто русские традиции, определившие его творческое развитие.

Время, когда жил и творил Блок, было временем, когда творческая и религиозная жизнь отличались необыкновенной

широтой мнений. Это время создало великое множество религиозно-философских обществ, занимавшихся богоискательством, деятельность которых теплилась даже после 1917 года. После Октября была создана знаменитая «Вольфила» – Вольная философская ассоциация, связанная с именами Блока и Иванова-Разумника.

Интеллигенция была занята богоискательством.

Этой же задачей был озабочен в своё время Гоголь, сеявший зёрна христианской любви не только в художественных произведениях, но и в теоретических трудах, посвящённых анализу природы творчества художника – «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», которые нашли горячий отклик в сердцах Блока и Белого.

Блок читал и перечитывал «Выбранные места». Последней книгой Белого стал незавершённый труд «Мастерство Гоголя». Интересно, что в «Мастерстве Гоголя» Андрей Белый использует множество цитат из классиков марксизма-ленинизма. Особенно парадоксально это выглядит, если учесть, что Гоголь был убеждённым монархистом и идеологом крепостничества.

Особенно ярко монархические настроения нашли отражение в «Страшной мести» и «Тарасе Бульбе», проникнутых мечтой о великом царе. О таком царе тоскует Данила Бурульбаш и произносит о нём свои последние слова, горящий на костре Тарас Бульба.

Блок, сознательно отвергший царизм, работавший в комиссии, занимавшейся следствием по делу «преступлений царских чиновников против народа», умер, держа рядом проникнутые идеями монархизма «Выбранные места из переписки с друзьями» и Евангелие. Сотрудничество с советской властью не мешало Блоку праздновать Пасху, о чём есть свидетельство М.А.Бекетовой в биографических трудах о поэте.

В начале двадцатого века в русском обществе ждали прихода Антихриста, а за ним чаяли второе пришествие Христа. На эти темы говорили в литературных гостиных и на философских вечерах. Нужно сказать, что Гоголю были знакомы труды Гердера и Лессинга, в которых высказывался свежий взгляд на христианство. Не всеми Гоголь был понят в религиозной среде, к

которой он был близок в последние годы жизни.

Известно, что знаменитый христианский проповедник о. Матфей Константиновский подверг резкой критике «Выбранные места из переписки с друзьями» и второй том «Мёртвых душ», часть которого была сожжена автором по настоянию его духовного отца. Не всё нравилось в книге Гоголя и оптинскому старцу отцу Макарию, который увидел в книге Гоголя и «свет», и «тьму».

Наиболее тонкими интерпретаторами произведений Гоголя остались в истории русской литературы расстриженный монах Фёдор Бухарев, пытавшийся соединить учение Христа с современностью, и не нашедший поддержки в официальных религиозных кругах, и монах со Святой горы Афон Сергей Святогорец, горячо любивший как самого Гоголя, так и его сочинения.

Гоголя можно считать предтечей искусства модернизма, поскольку, как уже говорилось, оно было синтетично по своей природе и пронизано христианскими идеями, которые Гоголь конкретно «привязывал» к русской почве и к русскому национальному характеру.

Не обошёл Гоголь своим вниманием и вопросы крушения цивилизации, смерти, загробного мира, столь любимые модернистами всех стран и народов.

Искусство Гоголя это, прежде всего, искусство идей, следовательно, символов.

Для Гоголя всегда существенным было соотношение «здесь» и «там», сегодняшнего дня и Вечности. Ему был свойствен взгляд на мир, тонко уловленный Константином Аксаковым – «оттуда» «сюда» - гомеровский всеохватывающий взгляд.

Античная литература с её образами и приёмами была близка Блоку как филологу-классику и Гоголю, получившему классическое гимназическое образование.

По свидетельству Н.Шантаренкова, юный Рубцов во время учёбы в Горном техникуме в Кировске, часами изучал труды Платона и Аристотеля. В период учёбы в Литературном институте Рубцов в качестве непревзойдённого мастера одному из своих приятелей приводил Гомера.

Античные авторы много заботились о соотношении формы и содержания произведения. Этот вопрос является одновременно вопросом, как поэтики, так и эстетики. Известно, что символисты и акмеисты, много работали над тем, чтобы облечь содержание в красивую форму.

Ни у Гоголя, ни у Блока, ни у Рубцова нет несовершенных произведений. Если для их стиля и характерно некоторое пренебрежение литературной нормой, то сделано это исключительно из соображений художественной сообразности. Для всех трёх великих авторов характерно представление о литературном творчестве как Божественном даре.

Можно сказать, что центральной их темой была тема места русского человека в «мире Божьем» - русский человек и природа. При этом они были публицистами, то есть чутко улавливали особенности своего времени, держали руку на пульсе эпохи.

«Прошлое страстно глядится в грядущее» – утверждает Блок. Гоголь писал в Молитве к Пресвятой Богородице: «Когда заменит Вечность Время». Для Рубцова смерть становилась ничем по отношению к Вечности.

Когда Рубцов утверждал, что он *«не верит вечности покоя»*, он чаял Второго пришествия, как Блок и Гоголь.

Гоголь очень любил творчество художника А.А. Иванова, позировал ему для картины «Явление Христа народу». Картина была завершена автором после смерти Гоголя. Но писателя объединяла с художником общая идея – «мир Божий» совершенен (то есть созданная Богом природа), но не совершенен человек, способный губить как самого себя, так и природу.

«Страшный мир» Блока – это мир, искривлённый буржуазными ценностями, потребностями сегодняшнего дня, отсутствием романтизма и ориентации на вечные ценности. Не близок «страшный мир» и Рубцову. В его городских стихах ленинградского периода встречается много образов людей, «искривлённых» цивилизацией. Идеал Рубцов продемонстрировал в стихах, посвящённых «естественному человеку» – это «Добрый Филя», крестьяне, дети. Блок и Гоголь этот идеал искали в историческом прошлом и мечтали обрести в настоящем. То же можно сказать и о Рубцове.

Гоголь, Блок и Рубцов шли к обретению этого идеала через патриотическую тему, которая получила в их произведениях масштабный размах. У Гоголя – это, прежде всего, лирические отступления к поэме «Мёртвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями», у Блока – лирические циклы «Родина», «На поле Куликовом». У Рубцова патриотическая тема сквозная. Будущее Родины виделось всем трём в мистической дымке. Гоголь так и не получил ответ на вопрос, адресованный к «птицетройке». Блок видел будущее двояко. С одной стороны, Россия – это «новая Америка», с другой – «да скифы мы, да азиаты мы». Рубцов просил: «Россия, Русь! Храни себя, храни!». И боялся, «что не будет над нами таинственной силы», «что, всё понимая, без грусти пойду до могилы».

Народное сознание внушало модернистам мысль, о том, что всюду в природе и жизни тайны, загадки, недосказанности... Гоголь был мастером изображать «мир незримый». Блок также увлекался «болотными чертенятами», «пузырями земли», ведунами и колдунами, женщинами-чаровницами, плясуньями, женщинами-«змеями». У Рубцова мы найдём, в свою очередь, и женщину, соперничающую в коварстве со змеей и описания болот, кладбищ, глухих уголков.

Вопрос в том, ради чего это писалось? Лучше всего, на этот вопрос ответил Блок, утверждавший, что его путь – это путь «к рождению человека общественного». Все три великих автора искали дорогу к свету. Этот путь был непростым. И они были не просто странниками, а искушёнными искателями истины. Аскеты в искусстве, выше всего ценившие своё предназначение поэта, они дошли этим путём до мистики. Согласно теории исихазма путь к истине лежит через аскетику (самоограничение) к мистике (тайнознанию). Мистика доступна только искущённым молитвенникам.

Аксиома, что главное их пророчество, Гоголя, Блока и Рубцова – это пророчество о России.

Россия вдохновляла имажинистов, акмеистов, а также импрессионистов с экспрессионистами. Зинаида Гиппиус назвала русских декадентов «доморощенными». Шли они от так присущей русским идеи «общественности». И эта идея привела

их к религии. Новое искусство было объявлено «теургией» - священнодействием.

Умнейшая Гиппиус дала краткую характеристику этому периоду – возникновения и развития декадентства в России, угадав самое главное – русский всё переделывает на свой манер, как утверждал Гоголь, смотрит на вещи «со здоровой середины». Начали с эгоизма, пришли к Христу. Впрочем, путь этот был не нов. Некоторые славянофилы-«любомудры» начинали с атеизма, а потом пришли к религиозной аскетике.

Вот что пишет Гиппиус в воспоминаниях «О религиозно-философских собраниях»: «В русской интеллигенции, к началу этого десятилетия ещё очень крепко были принципы годов шестидесятых. Тот же базаровский, на материалистической подоснове, «мыслящий реализм» и «трезвая правда», с перегибом в сторону общественных требований. ...Но вот к концу 90-х годов, где-то среди эстетов и «символистов» появились люди, заговорившие о «религии».

Естественно, возникло имя Гоголя. Дмитрий Мережковский на одном из заседаний Религиозно-философских собраний сделал доклад «Гоголь и о.Матфей». Тема эта и по сей день остаётся животрепещущей, потому что столкнулись два взгляда, два мироощущения – ортодоксальное и научно-философское.

Гоголь вёл героев второго тома «Мёртвых душ» и вслед за ними читателя к Христу. Отец Матфей не одобрил книгу. Гоголь сжёг второй том, оставив лишь половину глав. Но в «Выбранных местах» намечен путь развития авторской мысли. Заканчивается книга христианско-философской прозы Гоголя изображением праздника Пасхи на Руси. К этому же шёл Блок, вслед за ним – Рубцов – к пасхальному мироощущению.

Декаденты ждали появления антихриста и второго пришествия Христа. Блок, отказавшийся от принадлежности к стану символистов, но оставшийся им по существу художественной природы своего творчества, в «Двенадцати» «вывел» Христа на улицы революционного Петрограда, поставив его впереди толпы, раздираемой идеологическими противоречиями (анархисты, революционеры-большевики, священство, богема, обыватели и т.д.). Трагедия поэта в том, что второго пришествия не было,

но было пришествие антихриста. Но Блок объявил Христа явившимся.

Как уже говорилось, Блок праздновал Пасху в революционном Петрограде. Он не был одинок. Гиппиус в «Чёрной тетради» описывает Пасху в революционной Москве: икону Спасителя на Спасской башне завесили красной материей. На Никольской – кумач сорвало с образа Николая-Чудотворца. Толпа людей рвалась в Кремль праздновать Пасху, как это было принято столетиями. Её расстреляли.

Для Рубцова Россия без Веры – это небо без звёзд. Отсюда его шемящий образ «померкшая звёздная люстра». Если декаденты считались революционерами в интеллигентской среде, поскольку они вернули в литературу утраченную в шестидесятые годы 19 века многими Веру, обменянную на «позитивный» взгляд на мироздание, то Рубцов был более, чем революционер. Он был аристократ Духа, «богатырь», появления которого чаял Гоголь в «Мёртвых душах».

Русская поэзия сильна патриотическим пафосом. Между ним и пресловутой суггестивностью декадентского искусства можно поставить знак равенства. Патриотическая поэзия так поднимала патриотическое настроение, что во время Великой Отечественной войны вспомнили имена запрещённых Блока и Есенина, «разрешили» «Тараса Бульбу» без купюр. Победу в войне одержали советские люди, хранящие в генах память об империи. Внушение, то есть суггестивность, действовало на самые податливые струны русской души: «сам погибай, товарища выручай» (у Гоголя), связь с землёй, любовь к «малой Родине» - родине души (у Есенина и Блока).

В поэзии-прозе Гоголя живёт Полтавщина, в поэзии Блока-Шахматово, в лирике Рубцова – село Никольское -Никола. «Духи мест» активно жили в поэзии русского модернизма: имажинист Есенин ассоциируется с рязанским селом Константиново, символисты Белый и Сергей Соловьёв – с Подмосковьем, Брюсов – с Москвой, акмеистка Ахматова – с Царским селом. Модернисты сами выбирали родину своей души, как это сделал Рубцов.

Душа модернистов искала мятежа, новых горизонтов. Поэтому

они много путешествовали по миру. Это им нужно было только для того, чтобы вернуться в Россию. Без неё их душа умирала или обрекалась на вечную тоску по Родине.

Так Гиппиус писала в эмиграции:

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне ещё увидеть
Родную мою Россию.

Как Симеону увидеть
Дал ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию.

Культовым символом модернистов был снег. У Блока в цикле «Кармен» «идёт» снег, хотя лирический герой находится в диалоге с испанкой. Испанка Кармен тоже получилась русской, потому что её роль играла русская актриса Любовь Дельмас, которой посвящён цикл «Кармен».

Символ «снег» отождествляется с символом «свет» – ключевым символом Гоголя, символистов и Рубцова. У Зинаиды Гиппиус есть стихотворение «Снег», родственное образам Рубцова:

Опять он падает, чудесно молчаливый,
Легко колеблется и опускается...
Как сердцу сладостен полёт его счастливый!
Несуществующий он вновь рождается...

Всё тот же вновь пришёл, неведомо откуда,
В нём холода соблазны, в нём забвеньё...
Я жду его всегда, как жду от Бога Чуда.
И странное с ним знаю единение.

Рубцов, как никто другой в русской поэзии, писал о снеге. Имя Рубцова сразу вызывает ряд чудных образов снега из «Прощальной песни», романса «В этой деревне огни не

погашены...» В двух этих произведениях зримо присутствует связь со знаменитыми белогвардейскими романсами «Я уеду, уеду, уеду...», «Гори, гори, моя звезда...» и другими шедеврами русской романсовой лирики.

В данной работе намечены основные линии «совпадения» Гоголя, Блока и Рубцова. Тема эта требует серьезной разработки.

Символы света у Блока и Рубцова: гоголевские традиции

Искусство русского символизма как вторая волна славянофильства. Традиции русской литературы у Блока: патриотизм, духовность, музыкальность, историзм. Использование методов народного искусства – пространство и время без границ, цитирование народных песен, пословиц, поговорок, рефлексии обрядов, заговоров, заклинаний. Частушка. Главное – тема света. И тема апокалипсиса. «Я умру в крещенские морозы...». Христианские идеи воскресения – победа Духа. «Звезда полей» – основной символ Рубцова.

Блок и русские символисты – как наследники гоголевских традиций. Влияние на Рубцова традиций Гоголя. Видно влияние на творчество Рубцова традиций русских символистов.

Тема света в «Мёртвых душах» и других произведениях великого писателя. Соединение в символах света у Гоголя поэтики с этикой. Перспектива развития темы России в «Мёртвых душах» - втором и третьем томах. Гоголь и идеи христианского аскетизма.

Будущее – как торжество Света. Традиции православных молитвенников – Серафима Саровского и Сергия Радонежского. Влияние православных книжных традиций на творчество символистов и Николая Рубцова.

Рубцов и славянофильство.

Проблема символа органично возникает при анализе творчества любого большого мастера слова. Эта связь образуется ввиду ряда объективных причин: 1. Использование традиций народного искусства с богатством его приёмов и методов

создания художественных образов; 2. Патриотизм, духовность и историзм как основа формы и содержания художественного произведения; 3. Музыкальность как результат гармонии между формой и содержанием.

В науке существует огромное количество определений понятия «символ». Наиболее актуальной для анализа творчества такого большого национального художника слова как Николай Рубцов нам представляется интерпретация понятия «символ», данная в монографии А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство» (Москва, Искусство, 1976, с.8): «Если мы условимся понимать под символом прежде всего отражение объективной действительности, а уже потом всё остальное, то этого остального наберётся довольно много. Так, например, М. Горький связывает возникновение мировых символов в искусстве и литературе с творчеством широких народных масс. Для него это – результат огромных обобщений действительности, до которых доходит народное творчество».

По Лосеву основным содержанием символа является идея (там же: с. 41).

Основной идеей творчества Рубцова, как и его великих предшественников и учителей, равно присутствующих в его лирике на уровне непосредственно поэтаки (в связи с перенятыми художественными традициями) и включёнными непосредственно в художественный контекст, является идея пути к свету. Идея эта, сопряженная с развитием славянофильского движения, поэтапно развивалась от Гоголя к Блоку и далее к Рубцову.

Известны работы литературоведа Д.Е.Максимова, рассматривающие художественную систему Блока, которая изобилует образами пути. Исследователи творчества Гоголя также настойчиво говорят об идее пути как духовного восхождения (Воропаев В.А., Виноградов И.А., Золотусский И.П., Есаулов И.А.) в произведениях великого писателя.

Сам Гоголь следующим образом сформулировал художественную сверхзадачу «Мёртвых душ»: «... когда я начал читать Пушкину первые главы из «Мёртвых душ», в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при

моём чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться всё сумрачней, сумрачней, и наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнёс голосом тоски «Боже, как грустна наша Россия!» Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что всё это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть представлена тьма и пугающее отсутствие света. С тех пор я стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести «Мёртвые души» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

Гоголь мечтал написать три части поэмы о России, и показать во второй и третьей книгах, как его герои постепенно изменяются в лучшую сторону: побеждают свои пороки, подавляют страсти, помогают друг другу на жизненном пути.

Христианские идеи проходят неявно, незримо красной нитью через творчество великого мастера. В своих статьях о Гоголе профессор В.А. Воропаев приводит воспоминания духовного писателя Сергия Святогорца о его знакомстве с Гоголем. Святогорец утверждал, что Гоголь мечтал дописывать последние главы книги на горе Афон, где издавна подвизались монахи-исихасты.

Основная задача исихаста очистить свою душу долгим духовным подвигом через молчание с тем, чтобы помочь другим стать на путь истины. Исихасты считали, что из всех Божественных энергий познаваема только энергия света. Все великие русские поэты шли в своём творчестве от исихастских идей, воплощая их в художественных образах.

Исихастские мотивы заметны в «Мёртвых душах» более ярко, чем в других произведениях Гоголя, где они также имеют место быть. Например, в главе о Плюшкине есть эпизод, когда Плюшкин переходит из одной комнаты в другую, двигаясь из тёмного помещения в более светлое и в совсем светлое. Этот эпизод можно считать ключом к «Мёртвым душам».

О влиянии на Гоголя исихазма говорится в недавно выпущенном РАН «Гоголевском вестнике», в котором статья

В.М.Гуминского «Жизнь и творчество Гоголя в контексте православной традиции» впервые в постсоветском литературоведении столь широко поднимает этот вопрос. Правда речь идёт в ней не о творчестве Гоголя, а о его молитвенной практике.

Темы покоя, безмолвия, воскресения, светозарного света (исихастские мотивы) характерны для русской литературы в целом. Эти темы соответственно рождают образы-символы покоя, безмолвия, воскресения, света.

В этом контексте строка Рубцова «Я вспоминаю, сердцем посветлев, каким я был взволнованным и юным» приобретает особо глубокий смысл. То же самое можно сказать о целом ряде стихотворений Рубцова, в том числе: «В этой деревне огни не погашены», «Букет», «Добрый Филя», «Я люблю свою судьбу»... Исихасты считали, что для стяжания душевного покоя, нужно мобилизовать ум, желанию и волю, неустанно трудиться, жить постом и молитвой.

Стихотворение Рубцова «В горнице» является одной из вершин русской лирики из-за духовного подтекста. Песня «В горнице», которая стала всенародно любимой песней, имеет суггестивный подтекст, что подразумевает собой синтез определённых настроений и мотивов, действующих на подсознание читателя.

Суггестивность – достояние символизма. Родина поэзии символизма – Франция. Но она была переосмыслена на русской почве Блоком и Андреем Белым, давшими ей совсем иное идейное значение, обогатив идеями гуманизма, а не пессимизма и эгоцентризма, как это было у Верлена, Бодлера, Рембо...

Лирика Блока с её мотивами загула, страстей, безумия, страданий, поисков смысла жизни, стремления выйти на прямой путь – «открытый взорам», чувством любви к Родине, стремлением к празднику, восторгу души – также повлияла на лирику Рубцова, соединив её с «золотым» и «серебряным» веками русской литературы.

Блок называл Гоголя наряду с Пушкиным и Достоевским одним из первых и самых любимых своих учителей. Гоголевские же традиции и образы вошли в блоковскую поэтику и повлияли не только на его художественный мир, но и на творчество его последователей.

Лирическая трилогия Блока начиналась с цикла «Ante lucem», что в переводе с латинского языка значит «Перед светом».

Соответственно, свой путь лирический герой Блока мыслит как дорогу к свету. В цикле Блока «Кармен» есть строка «Всё музыка, всё свет...» Эта строка является квинтэссенцией представления лирического героя о счастье, когда само понятие «счастье» игнорируется, ибо оно отступает перед чем-то более высоким, чем земные представления о вселенской гармонии: «нет счастья, нет измен», «мелодией одной звучат печаль и радость».

Но гармония у Блока не наступает, потому что его лирический герой не в состоянии отказаться от любовной страсти: «но я люблю тебя ..., Кармен». Нет абсолютного предпочтения небесного земному.

Гоголь тоже не завершил свою работу. Писатель не создал художественные образы идеальных людей.

Последнее стихотворение Рубцова, где он описывает разлив реки, которая своим бурным потоком смывает жалкие остатки сгнившего гроба, всё же, несмотря на устрашающие образы тления, пронизывают ноты надежды на другую жизнь. Главный образ этого стихотворения – образ-символ дня дарит надежду на воскрешение для другой, неведомой человеческому сознанию жизни.

Николай Рубцов и седьмой период славянофильства

Имя Николая Рубцова так же органично возникает в связи с термином «славянофильство», как и имена Державина, Тредиаковского, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Лермонтова, Белинского, Достоевского, Есенина, Блока, Андрея Белого, хотя официально эти величайшие русские писатели никогда не значились членами славянофильских кружков.

«Что такое славянофильство? В чём особенность славянофильской любви к России? Почему сами славянофилы и вслед за ними многие учёные и критики считали и сейчас считают славянофильство ярким и искренним проявлением русского гения? Почему славянофильские теории в той или иной форме противопоставляют тем духовным ценностям, которые были созданы революционными демократами?»

В чём причина того, что интерес к славянофилам снова сегодня поднялся у нас? Почему разговор о славянофилах непременно перерастает в спор о славянофилах и всегда остаётся как бы нечто такое, о чём ещё не доспорили?» Эти вопросы задаёт видный советский филолог В.И. Кулешов в монографии «Славянофилы и русская литература», изданной в 1976 году и являющейся одной из первых ласточек, возвестивших о

назревшей необходимости осмысления исконных истоков русской словесности.

Славянофильство никогда не угасало, благодаря эстафете поколений: старики «рукополагали» молодёжь. Оно появилось как романтическое течение в общественно-политической мысли России в первой трети 19 века. Как отмечает В.И. Кулешов введение термина «славянофилы» приписывается Белинскому. Но впервые это слово зазвучало в русской поэзии: «...Белинский не выдумал этот термин, он взял его из эпохи борьбы «карамзинистов» с «шишковистами», из стихотворения Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809), где кипящий в реке забвения стихотворец, приверженец церковной славянины, восклицает: «Я есмь зело славенофил». Оно встречается в «Опасном соседе» В.Л. Пушкина, в басне А.Е. Измайлова «Дядя и племянник – славенофилы», в литературном обзоре А.Ф. Мерзлякова за 1812 год в тех же значениях: это – противники нововведений, варяго-россы. В этом смысле слово «славянофил» употребил и Белинский в 1844 году, обозначая им современных ему «шишковистов, людей отсталых вкусов».

Известно, что все славянофилы увлекались собиранием народных сказок, легенд, пословиц, поговорок, песен, сказаний. Тем самым они много сделали для сохранения исконной национальной культуры.

Изучая фольклор, славянофилы, среди которых были преимущественно родовитые дворяне, открывали для себя народную Русь, ощущая себя частью её корневой системы. Их заслуга состоит в том, что они учили русских быть русскими.

Салонная культура была ориентирована на Запад. Представители высшего общества говорили, в основном, по-французски и много времени проводили в Западной Европе.

Славянофилы заговорили по-русски. Так же они и писали. Их литературное творчество до сих пор не изучено и не оценено по достоинству. Мало кто знает, что Иван Аксаков был прекрасным поэтом и написал поэму «Бродяга» о крепостном крестьянине-беглеце, который, по странствував, подобно Чацкому, правда не в чужих краях, а по России, понимает, что, покинув родную деревню, он потерял свою душу.

Славянофилы были связаны друг с другом не только творческими узами, но и узами дружбы. Они воплощали в жизни законы общинного строя, по которым жил русский народ с незапамятных времён.

Николай Михайлович Рубцов пришёл к обретению той единственно правильной поэтической ноты, которая и сделала его большим поэтом, открывшим себе и читателю не «Русь Советскую», а Русь исконную, изначальную, берущую истоки в достопамятных временах.

Современники Рубцова и его ближайшие вологодские друзья – А.Романов и др. писали в воспоминаниях о том, что Рубцов походил на человека, словно жившего в Граде Китеже.

В лирике Рубцова нашло отражение не только чувство исторических национальных корней, но и осознание себя как частицы всего русского народа, история которого начинается не с октября 1917 года, а до Рождества Христова.

Хотя Рубцов заявлял, что ему «жаль разрушенных белых церквей», в его лирике много и от язычества: жажда перемен, любовь к дороге, ветру, вера в тайное и явное притяжение родной земли, историческая мистика. Синтез языческого, христианского и советского элементов в мировоззрении Рубцова возник в его знаменитом стихотворении «Я буду скакать...», созданном, видимо, как ответ на стихотворение Иосифа Бродского «Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным холмам...», которое было написано годом ранее, в 1962 году.

Если стихотворение Бродского при всём богатстве формальных средств абсолютно космополитично, то есть, лишено признаков национальной идеи, то у Рубцова эта идея возведена в культ.

Заслуга славянофилов первого поколения заключается в том, что они оставили огромный след не только в истории общественно-политической мысли, но и в литературе, воспитав своими произведениями поколения единомышленников.

С.Т.Аксаков – автор сказки «Аленький цветочек» способствовал духовному становлению поэта Рубцова, жившего спустя столетие и богато насадившего в своём литературном саду «алые цветы», начиная со стихотворения, написанного на смерть матери, в котором появляется образ-символ «аленький цветок».

Условно славянофильство можно разделить на семь периодов:
Первый: (30-70 г.г 19 в.) – Классический (А.С. Хомяков Н.М. Языков, братья Киреевские, С.Т. Аксаков, братья Аксаковы, М.П. Погодин. Ю.Ф. Самарин, С.П. Шевырёв, В.А. Панов, Д.Н. Свербеев, младославянофилы Александр Николаевич Островский и Аполлон Григорьев, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев.

Второй (60-80 г.г. 19 в.) – «Почвеннический» (братья Достоевские, Некрасов...)

Третий (80 г.г. 19 в. – 20 г. 20 в.) – Синтетический (символисты и младосимволисты, Блок автономно от символистов, Есенин, крестьянские поэты есенинского круга).

Четвёртый (30 – 50 г.г. 20 в.) – Советский (Паустовский, Твардовский, Исаковский, Фатьянов).

Пятый (50-70 г.г. 20 в.) – Возрождение (Смеляков, Яшин, Рубцов, Куняев, Викулов, Исаев, Горбовский, Владимир Соколов, Николай Тряпкин, Юрий Кузнецов, Юлия Друнина, Вампилов. Шукшин, Астафьев, Белов, Боков)

Шестой (80 – 90 г.г. 20 в.) – Новая волна (Александр Башлачёв, Игорь Тальков)

Седьмой – (начало 21 века) – Неоклассический (авторы альманахов «Звезда полей» Рубцовского центра, «новые почвенники» (В.Елистратов, Е.Егорова, Р.Рожков, В.Оболенский).

Как Гоголь является непревзойдённым авторитетом для поэтов-славянофилов всех поколений, так авторитетом для поэтов седьмого периода славянофильства, безусловно, является Рубцов с его безоговорочной преданностью родной «почве» и патриотическим традициям русской словесности.

Большим событием в русской литературе стало объединение поэтов, декларирующих «самую жгучую связь» с Родиной, которую даже в самые тяжёлые времена никто из них не посмел называть «эта страна», что было чрезвычайно распространено в девяностые годы.

В марте 2005 года было создано «Объединение Рубцовских центров», в конце 2006 года – некоммерческая организация «Рубцовский творческий союз», реализующая программу пропаганды творчества духовно ориентированных поэтов. И что особенно важно – поэтов, живущих в провинции.

Интересно, что многие из поэтов-лауреатов – авторов сборников «Звезда полей» не являются профессиональными литераторами. В основе их поэзии лежит «песенное» восприятие и отражение окружающего мира, тот глубокий лиризм, который искони присущ славянской природе и о котором непревзойдённо рассуждал Гоголь, прославивший «песенный» дух народа.

В ряды литераторов, исповедующих гоголевские, есенинские и рубцовские традиции, пришло много поэтов, прозаиков и литературоведов, имеющих элитарное образование (высшее техническое специальное, университеты). Но такие яркие из них, как Елена Егорова, Юрий Кириенко-Малюгин, Владимир Елистратов, Роман Рожков, не обременяют свой стих формальными изысками, дабы ясным оставался сам смысл.

Елена Егорова из г.Дзержинска Московской области в стихотворении «Возрождение Святой Руси» пишет:

Венец небес лазурно-васильковый
Объял Руси проснувшейся чело.
Прозрачную струёю родниковой
Звон колокольный вымывает зло,
Сплетающее вероломно гнёзда
Греха в прельщённых нечистью сердцах.
И вспыхивают чистой веры звёзды
В прозревших от неверия глазах.
И восстают забытые святыни
Из пепла и руин, Христа любя,
Одолеваем мы змею гордыни
И строим храмы в душах у себя.

В стихотворении наблюдаются богоискательские мотивы, характерные для лирики славянофилов и присущие Рубцову.

Николай Рубцов, живший в атеистическое время, чувствовал постоянный духовный дискомфорт. В стихотворении «Я люблю судьбу свою...» лирический герой Рубцова молится не в храме, а в чистом заснеженном поле, в котором он видит образы таких же странников-поэтов, как и он сам – Есенина, Блока, Хлебникова.

Белинский уверял Гоголя, что русский народ – это

атеистический народ. История подтвердила правоту Гоголя и неправоту в этом вопросе Белинского.

Интеллигенция, настроенная патриотически, не только ощущала всегда связь с родной «почвой», но и жаждала Веры.

Сборник лирики Кириенко-Малюгина, вышедший в Рязани, называется «Впереди родимый край». Егорова и Кириенко-Малюгин занимаются поэтическим краеведением.

Юрий Кириенко-Малюгин позволяет себе, как и Рубцов, «игру» со словоформами, невозвратные глаголы у него могут стать возвратными. Например: «трепещется флаг», «играются», «мельтешилась». Женщина у него не в туфельках, а «на туфельках». Но Рубцов тоже писал: «зайду давай», хотя в безграмотности поэта обвинить нельзя.

Хороши стихи Кириенко-Малюгина, которые посвящены его исторической и духовной прародине – Вологодчине:

Пусть где-то очень, очень мглисто
И кто-то ходит зло творя,
Здесь на душе светло и чисто
Под стенами монастыря.

.....

Стоят берёзы в ожиданье
Благих вестей со всех сторон...
И я в кирилловском молчанье
Жду колокольный русский звон.

В стихотворении соединились мифический и реальный планы: чаемое и воплощённое. Храмы на Руси возрождаются.

Владимир Елистратов – известнейший учёный лингвист, автор словарей и прозаических произведений недавно выпустил два сборника лирики – «По эту сторону Стикса» и «Духи мест». Он декларирует приверженность к рубцовскому направлению:

Но я счастлив стократ, что видал в полынье.
Как звезда по-рубцовски светила,
Что Москва меня, в жадном своём гомонье,
В свою чистую веру крестила.

Рубцовское слово одухотворяет русскую провинцию. Валерий Черкесов из Белгорода, автор девяти сборников, пишет:

Для интеллектуалов шибко учёных
Любимый поэт – Кручёных,
.....
Но когда воздуха хочется глотнуть живого,
когда душа печалится и болит,
читаю Есенина, Рубцова и Кузнецова –
настоящее русское слово,
которое нам беречь надлежит.

К числу поэтов, берегущих рубцовское слово, принадлежит Виктор Григорьев:

.....
ожидая от милого
переливчатого слова.

Во берёзовом лесочке
Схоронился теремочек.
Там во горнице-светлице
Ваня слюбится с девицей.

«Переливчатое» рубцовское слово живёт в творчестве целого ряда современных поэтов.

В «Ревизоре» Гоголь показал через образ-символ уездного города жизнь русского общества спустя двадцать лет после разгрома французов в Отечественной войне 1812 года. Мы видим, как люди мечтают о лучшей доле, пьют горькую, берут взятки... А в войну двенадцатого года нация явила собой единое племя патриотов и героев.

Примерно такую же картину мы видим в пьесе, написанной тридцать лет спустя после победы советского народа в Великой Отечественной войне с Германией. Правда, между героями «Ревизора» и пьесы Владимира Оболенского «Вечеринка в конце лета» есть существенное отличие: главные герои «Вечеринки» не берут взятки. Они положительные, но не идеальные. Может быть,

примерно такие, которые мечтал показать в картине преображённой Руси Гоголь.

Владимир Оболенский – потомок славного рода князей Оболенских, Верой и Правдой служивших России на протяжении столетий. Князь Дмитрий Александрович Оболенский был близок душе Гоголя. Великий писатель часто с ним встречался в доме графа Толстого на Никитском бульваре в Москве, где жил Гоголь, и в Калуге, которую Гоголь любил посещать.

На тему единства гражданина и Отечества Владимиром Оболенским написана историческая трилогия, состоящая из трёх романов: «Смерть корнета Оболенского», «Корнет Оболенский», «Возвращение корнета Оболенского».

В этих книгах, по словам Владимира Журавлёва – доктора филологических наук, члена-корреспондента Международной Славянской Академии, сопредседателя Комиссии по русскому языку и литературе при отделении Русского Языка и Литературы Российской Академии Наук, содержится такой посыл: «Автор убедительно показывает, что «мир не без добрых людей». А невзгоды, личные и общие, преодолеваются добром. И в океане зла то там, то здесь ещё теплится христианский дух любви и добра к людям...

Творчество Вл.Оболенского чрезвычайно разнообразно в родовом и жанровом отношении: он – автор пьес, исторических романов, киносценариев, рассказов, сказок, статей. Но о чём бы он не писал, «всё у него о России», если перефразировать известные стихотворные строки Владимира Соколова.

Николай Рубцов и его влияние на русское славянофильство

Критерием оценки величия поэта всегда в России было не только его художественное мастерство, но, прежде всего, степень идеологической глубины его поэзии, в основу которой изначала был положен патриотизм.

«Слово о полку Игореве» - наиболее древний и самый популярный памятник древнерусской литературы надолго

определил пути развития русской литературы. Идеино-смысловое значение русской поэзии лежало и лежит в русле идей, намеченных «Словом».

В программном стихотворении «Поэзия» Рубцов писал:

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, -
Мелькнёт порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечёт она к себе!

Мелькнёт покоя сельского страница.
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поёт на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Поэт отождествляет поэзию с Россией. О любви к России как об одном из основных источников лиризма в русской поэзии говорил Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Известно, что именно Гоголь был одним из самых любимейших писателей Рубцова.

Многие страницы автора «Мёртвых душ» представляют собой своеобразные стихотворения в прозе, прежде всего, это знаменитые лирические отступления, наполненные патриотическим пафосом.

Тема славянофильства и западничества со времён Белинского, который ввёл в обиход русской литературной критики термин «славянофильство», остаётся не просто актуальной, а животрепещущей.

Подробно история введения терминов «славянофильство» и «западничество» рассмотрена в монографии известного литературоведа, доктора филологических наук В.И. Кулешова «Славянофилы и русская литература», которая была издана в 1976 году, во времена, которые уже кажутся историческими.

Взгляд на славянофильство, изложенный Кулешовым в книге, интересен уже потому, что он даёт представление о том, как с

материалистических позиций рассматривался процесс сугубо духовный, чем собственно и было славянофильство. Тем более что этот исторический срез – 70-годы двадцатого века – время жизни и творчества одного из величайших русских поэтов – Николая Рубцова.

Кулешов не даёт ответа на вопрос: что такое славянофильство? Но монография Кулешова интересна тем, что в ней эти вопросы поставлены: «Что такое славянофильство? В чём особенность славянофильской любви к России? Почему сами славянофилы и вслед за ними многие учёные и критики считали и сейчас считают славянофильство ярким и искренним проявлением русского гения?»

Определяя суть славянофильства, следует исходить из его этимологии – любовь к славянству.

Исходя из смысла слова «славянофильство», можно утверждать, что корни любви к славянству уходят в глубину веков, что видно из «Слова о полку Игореве».

Научная периодизация славянофильства определяется Кулешовым наличием двух периодов – раннего и позднего, а весь период уместается во временные рамки – от Шишкова до Ивана Сергеевича Аксакова, то есть ограничивается временным отрезком: первая треть 19 века – восьмидесятые годы 19 века.

Причём интересно, что многие знаменитые славянофилы начинали изучение философии с немецкого идеализма (Гегеля) и отрицания учения Христа, например, братья Киреевские, Александр Кошелев, Владимир Одоевский, но потом поменяли свои взгляды с точностью до наоборот.

Так, братья Киреевские, которые учились в Германии, были поклонниками немецкой идеалистической философии, но постепенно через собирание русских древностей (песен, пословиц, поговорок русского народа) пришли к пониманию значения любви каждого русского к России, необходимости изучать русскую историю, иконопись, церковную архитектуру, а прежде всего народную культуру.

Как, известно, Рубцов, безукоризненно владевший русским языком, сдавший на «отлично» выпускной государственный экзамен в Литературном институте, безусловно, уже одним этим

фактом заслуживает причисления к стану славянофилов.

60-70 годы двадцатого века были таким же «золотым веком» русской поэзии, каким был сам классический «золотой век». Лучшие русские советские поэты того времени учились у великих предшественников: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Кольцова, Фета.

Творчество Рубцова соотносится с одним из самых ярких периодов славянофильства, который можно условно обозначить как «Возрождение», а периодизацию славянофильства начать с первой трети девятнадцатого века, что, собственно, предложил Белинский. Фактически же, славянофильство уходит в глубь веков.

Предложенная ранее периодизация славянофильства не претендует на каноническую, тем более, не отражает всей глубины и сложности одного из важнейших и перманентных процессов русской истории и культуры, но является попыткой разобраться в одной из насущнейших проблем русского литературоведения.

Высочайшая степень народного признания выносит в пятом периоде на гребень волны Николая Рубцова как гениального поэта, чья гениальность и чьё избранничество определены потребностями времени. Недаром поэт Глеб Горбовский назвал Рубцова «Долгожданный поэт».

Славянофильство неотделимо от духовных исканий и наделено потребностью ощущать связь времён. Рубцову изначально было присуще как одно, так и другое. От юношеской романтики, поисков красоты в далеко не идеальном мире. Рубцов идёт к осмыслению себя как части русского народа, к пониманию истории России как государства с древними историческими корнями, огромной духовной историей, необыкновенно выразительным и образным языком.

«Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны» – это манифест Рубцова. Значение стихотворения важно для понимания духовно-исторической позиции автора. Путь его был прямой и «открытый взорам», как сказал Блок. Ни разу поэт не свернул с основной магистрали своего творчества, хотя приходилось ему ходить разными дорогами: это были и морские

просторы, и лесные тропы, и городской асфальт, и поля.

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей.

В этой строфе два эпитета несут особую смысловую нагрузку: ночи у Рубцова прославляются «Воскресные», а корона «старинная». Под «обильными всходами» поэт подразумевал не только хлеб насущный, а под воскресеньем не только окончание рабочей недели. «Старинная корона» символизирует тысячелетнюю историю славянства, в числе одного из своих главных Богов, значившего Ярилу – Солнце.

Пахарь – это тот, кто идёт по пути, указанному Солнцем.

Русь для Рубцова не столько советская, сколько исконная. Хотя стилистика этого стихотворения полна приметам советского времени: «майский костюм», «председатель», «израненный бывший десантник».

В этом стихотворении, как в эпическом полотне, отразилась вся русская история, начиная с диких времён язычества и степной вольницы, кончая колхозными буднями. Идея стихотворения в утверждении синтеза всего положительного, что было накоплено русской историей за многие века её существования.

Рубцову свойственно, как и всем великим русским поэтам, чувство историзма при глубочайшем лирическом даре.

Стихотворение «Добрый Филя» справедливо относят к классике русской поэзии. В основе любого произведения искусства лежит стремление к гармонии и красоте. «Добрый Филя» - пример «обретённого рая»: человек живёт в абсолютной гармонии с природой, честно добывает кусок хлеба, он не сетует на судьбу, не нуждается ни в чём лишнем. Так жили предки русских людей тысячи лет.

Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» призывал соотечественников верить в Бога, пользоваться только плодами своего труда, не иметь ничего лишнего, любить родную землю и близких. Эти постулаты и легли в основу теорий

корифеев славянофильства – А.С. Хомякова, братьев Киреевских, С.П.Шевырёва. Гоголь никогда себя не относил ни к одной партии. Но славянофилы считали его своим.

Великую роль отводили славянофилы Москве. Далеко не каждый современный школьник знает, что именно славянофилы (Хомяков, Аксаковы, Языков, Шевырёв) считали Москву духовным центром русской государственности.

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, – о, русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами.
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренность и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Кремль – это горница русского народа.

Русская литература всегда была сильна традициями. Великий русский религиозный философ, поэт и глава «славянофилов» Алексей Степанович Хомяков считал, что в основе русской государственности лежит община. Он же утверждал, что корневые основы русской жизни сохранились на русском Севере.

Хомяков был крупным помещиком. Прекрасно знал сельское хозяйство. Он видел залог успеха в нём, как и во всём, что касалось русской жизни в возврате к старине. Хранителем традиций русской жизни Хомяков считал народ. Ему принадлежит фраза: «жизнь народа никогда не приходит в застой». Свои идеи Хомяков развивал в статьях, первые из которых были напечатаны в журнале «Москвитянин» («О череполосном владении» и «О сельских условиях»).

Вряд ли Рубцов знал эти статьи из-за малодоступности. Но их идейная направленность нашла выражение в лирике одного из величайших русских поэтов двадцатого века.